

Фернанду Пессоа: Португалия в сердце

© Мартынов Б.Ф., 2023

Борис Федорович Мартынов, д-р полит. наук, профессор МГИМО МИД России.
119454, Москва, проспект Вернадского, 76
ORCID: 0000-0002-4013-4199 E-mail: bfmartynoff@gmail.com

Аннотация. Имя португальского поэта и публициста Фернанду Пессоа (1888–1935), к сожалению, мало известно российскому читателю. В самой Португалии подлинное признание пришло к поэту только после смерти. Ф. Пессоа, обладая исключительным талантом, издавал свои произведения от лица воображаемых авторов (более 42), которые выводились им в качестве самостоятельных лиц. При этом каждый из гетеронимов обладал собственной биографией и собственным литературным стилем. Большинство исследователей творчества поэта (одним из наиболее известных является британский литературовед Р. Зенит), рассуждая о «феномене Пессоа», придерживаются мысли о том, что «странности» этого человека были во многом обусловлены специфическими чертами его характера и особыми мистическими чувствами к своей родине — Португалии, историю которой он воспринимал как мессианскую. Поэт, глубоко

погруженный в свой внутренний мир, зачастую не отделял свои фантазии от реальности, демонстрируя при этом уникальное чувство предвидения. Как публицист Ф. Пессоа интересен своими взглядами на историю Португалии и будущее Европы. Эволюция его взглядов — от республиканизма в молодости до «научного монархизма» в зрелые годы — свидетельствовала о том, что поэт не останавливался в своем познании внешнего мира, предлагая свои собственные, подчас весьма оригинальные методы истолкования его сути. При этом взгляды Ф. Пессоа обнаруживают некоторое сходство с такими отечественными философами, как А.Ф. Лосев и М.М. Бахтин. В поэтическом и философском наследии поэта миф о «короле-спасителе нации» Себастьяне, погибшем в XVI в. в Северной Африке, и идея «Пятой Империи» связывались с национальной идентичностью Португалии, без которой он не мыслил поступательного развития своей страны. Утопии в его трудах не отрицали реальность, а творчески развивали и дополняли ее. Отчасти утопии были ответом на ужесточение реакции внутри Португалии (установление диктатуры Салазара) и в Европе в целом в 30-е годы прошлого века. Символом посмертного признания Ф. Пессоа в качестве великого португальского поэта было перенесение его праха в 1985 г. в монастырь Жеронимуш, где покоятся останки Васко да Гамы, Камозэна и короля Себастьяна.

Ключевые слова: Фернанду Пессоа, гетеронимы, история Португалии, миф о короле Себастьяне, национальная идентичность

Для цитирования: Мартынов Б.Ф. (2023) Фернанду Пессоа: Португалия в сердце. *Ибероамериканские тетради*. № 3. С. 32–53. DOI: 10.46272/2409-3416-2023-11-3-32-53

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Fernando Pessoa: Portugal no coração

© Martynov B.F., 2023

Boris F. Martynov, Dr. em ciências políticas, professor catedrático da MGIMO-Universidade da Rússia. 119454, Rússia, Moscovo, avenida prospect Vernadskogo, 76
ORCID: 0000-0002-4013-4199 E-mail: bfmartynoff@gmail.com

Resumo. O nome do grande poeta e publicista português Fernando Pessoa (1888–1935), desafortunadamente, ainda é pouco conhecido pelo público russo. O reconhecimento mesmo em Portugal só lhe chegou depois da sua morte. Para além do seu talento excepcional, o poeta chegou a ser famoso por escrever as suas obras sob os nomes dos autores fictícios (mais de 42), que foram apresentados como pessoas reais. Porém, cada «heterónimo» dele tinha a sua biografia e o seu próprio estilo literário. A maioria dos pesquisadores das suas obras (dos mais reconhecidos é o crítico literário britânico R. Zenith), falando do «fenômeno Pessoa», chegam à conclusão de que as «singularidades» deste poeta eram resultado dos traços especiais do seu caráter, do amor pela sua pátria — Portugal e a língua portuguesa — e do mito sobre o Rei D. Sebastião (século XVI). O poeta, profundamente submerso no seu mundo interno, desde miúdo não separava as suas fantasias da realidade, mostrando contudo uma surpreendente sensação própria desta realidade e o único senso de previsão. A evolução das suas ideias políticas: do republicanismo na juventude até o «monarquismo científico» na idade madura, testemunhava de que o poeta jamais parou na sua pesquisa do mundo externo, propondo às vezes os bem originais métodos de como entender a sua essência. Contudo, ele revelava certa semelhança com tais filósofos russos, como M.M. Bakhtin e A.F. Lósev. Na herança político-filosófica de F. Pessoa o mito do Rei D. Sebastião e a ideia do «Quinto Império» estavam ligados à formação da própria identidade nacional portuguesa, sem a qual ele não imaginava o desenvolver da sua pátria. As utopias nas obras dele não desmentiam a realidade, mas criativamente desenvolviam e completavam-na. Em parte, as utopias eram uma espécie de respostas ao endurecimento da reação política mesmo dentro e fora de Portugal nos anos 30 do século XX. O símbolo do reconhecimento *post mortem* de Pessoa como um «Grande poeta português» foi a transladação dos seus restos ao Mosteiro dos Jerónimos em 1985, onde ficam os restos de Vasco da Gama, de Luís de Camões e do Rei D. Sebastião.

Palavras-chave: Fernando Pessoa, heterónimos, história de Portugal, mito do Rei Sebastião, identidade nacional portuguesa

Para citar: Martynov B.F. (2023) Fernando Pessoa: Portugal no coração, *Cuadernos Iberoamericanos*, no. 3, pp. 32–53. DOI: 10.46272/2409-3416-2023-11-3-32-53

Declaração de divulgação: O Autor declara que não existe nenhum potencial conflito de interesses.

Fernando Pessoa: Portugal in His Heart

© Martynov B.F., 2023

Boris F. Martynov, Dr. of Political Science, professor, Moscow State Institute of International Relations, 119454, Russia, Moscow, prospect Vernadskogo, 76
ORCID: 0000-0002-4013-4199 E-mail: bfmartynoff@gmail.com

Abstract. The name of Fernando Pessoa (1888–1935), who is a great Portuguese poet and political journalist, unfortunately is not well known to the common Russian reader. In Portugal he became famous only after his premature death. Besides his unquestionable talent, the poet was well known because of his «heteronyms», i.e. imaginary authors (he had more than 42 of them). Along with that, every one of his «heteronyms» had his own biography and literary style. The majority of those who study the creative work of Fernando Pessoa (one of the most prominent of them is the British literary critic R. Zenith), believe, dealing with his «phenomenon», that the peculiarities of this man in many aspects were caused by the specific features of his character, love for his home country and its language, and by his faith in the «Sebastianist» idea (16th century). Deeply submerged in his inner world, the poet frequently did not separate his fantasies from the reality, showing along with that his surprising proper feeling of that reality and the unique capacity to foresee it. As a political journalist, Pessoa is interesting to study due to his views on the history of Portugal and the future of Europe. His views have drifted from the early republicanism to the «scientific monarchism» in the adult times, and testified that the poet never stopped in his studies of the outer world, suggesting his own, sometimes rather original ways of its understanding. At the same time, Pessoa's views resonate to a certain degree with those of Russian philosophers A. Losev and M. Bakhtin. The «Sebastianist» myth and the project of the «Fifth Empire» were interlaced in the Pessoa's philosophic heritage with the concept of Portuguese national identity. Without them he didn't see any perspectives for the future development of his country. Utopia in his works never denied the reality, rather it creatively developed and complemented the latter. Partly, utopia might reflect his response to the reactionary trends within Portugal as well as in Europe as a whole in the 1930s. The transfer of his ashes to the famous Jerónimos Monastery in 1985, where the remains of Vasco da Gama, Camões and the King Sebastian also lay, symbolized the recognition of Pessoa as a Great Portuguese poet.

Key words: Fernando Pessoa, heteronyms, history of Portugal, King Sebastian myth, national identity of the Portuguese

For citation: Martynov B.F. (2023) Fernando Pessoa: Portugal in His Heart, *Iberoamerican Papers*, no. 3, pp. 32–53. DOI: 10.46272/2409-3416-2023-11-3-32-53

Disclosure statement: No potential conflict of interest was reported by the author.

«... Я не был ни святым и не героем,
 Но Бог не поспешил на регалию:
 Не сердцем португальца удостоил,
 Но вместо сердца вставил Португалию»¹
 Фернанду Пессоа

Ранней весной, когда над полноводной Тежу рассеивается, наконец, предутренняя мгла, по реке, заглушая мощными гудками пение птичьих стай, начинают курсировать маршрутные катера. Стоя на балконе второго этажа по другую сторону реки (*ален-Тежу*) и глядя на веера расходящихся от катеров волн, интересно наблюдать за тем, как на другом берегу медленно открывается широкая панорама португальской столицы. Как постепенно, шаг за шагом, выплывают из предутренней дымки ее средневековые храмы и крепостные стены, ее современные кварталы и перекинутые через Тежу величественные мосты. Но сначала из тумана появляются очертания лиссабонского порта с нависшими над водой порталными кранами. Их размеры говорят о том, что это уже не река, но и, строго говоря, еще и не море. Впечатление «не-реки» усиливается силуэтом круизного лайнера: они обычно швартуются тут же. Многопалубную громаду лайнера легко спутать с современной новостройкой, которая чудесным образом — бук-

«Хрестоматийный» образ Ф. Пессоа

Полноводная Тежу

вально ниоткуда! — возникла рядом с барочными паласиуш и монастырями Алфамы.

Эпоха Салазара, по счастью, слабо затронула архитектурную эндемику этого города. Она оставила потомкам монументальную статую Христа — выше 110 метров. Спаситель распротер свои руки над Тежу, готовясь принять в них Лиссабон, примерно так же, как по другую сторону

¹ Перевод А.В. Племянникова. — Прим. авт.

океана, в Рио-де-Жанейро, это сделал его архитектурный собрат. У ног Христа над Тежу протянулся 2,5-километровый мост, когда-то самый длинный в Европе. До 1974 г. он носил имя Антониу Салазара, правившего страной с 1932 по 1968 г., а после его смерти стал называться «Мост 25 апреля» в честь «революции гвоздик» 1974 г., так что любителям исторической компаративистики здесь есть, о чем подумать.

Статуя Христа и мост «25 апреля»

Сравнение с нашей столицей будет уместно, но лишь отчасти, памятуя колоссальную разницу в антуражах и стилистических подходах. Дата освобождения Лиссабона от мавров — 1147 год — перекликается с историей Москвы, а «колокольное семихолмие» (М. Цветаева) вдали от московских просторов — с её географией. Если Москву «ужать» до размеров Лиссабона, то ее отлогие возвышенности («холмы») запросто превратились бы в крутые лиссабонские «*sete colinas*». На семи холмах, как мы знаем, был основан и «Вечный Город» — Рим...

«...С любого из семи холмов, на которых раскинулся Лиссабон, взору путешественника открывается великолепная панорама разноцветных строений древнего города. Тот, кто прибывает с моря, видит Лиссабон уже издали. В свете утреннего солнца на фоне ярко-голубого неба он предстает сказочной декорацией. Шпиль соборов и замков возносятся над домами и, словно герольды, возвещают путешественнику о прибытии в благословенное Богом место...»²

Эти строки были взяты мной из путеводителя по Лиссабону, который был издан на английском языке в 1926 году. Знакомясь с ним накануне своей самой первой поездки туда, я не мог и подумать, что автор этих строк скоро займет особое место в наборе моих представлений об окружающем мире.

Туристов в Лиссабоне — пруд пруди. Туризм — одна из главных статей бюджета Португалии, страны, которая в XX в. не была затронута разрушительными революциями и войнами. В отличие, например, от соседней Испании, которой пришлось пережить жестокую гражданскую смуту. «Счастливая» в этом смысле Португалия страдала исключительно лишь от природы. Памятником разрушительного землетрясения 1755 г. остаются развалины монастыря ду Карму в центре ее столицы.

² Fonseca e Costa J. Os Mistérios de Lisboa, or What the Tourists Should See. 2nd edition. Lisboa, JFC Filmes. 2009. P. 5.

Организованные стайки туристов увлекают в свой водоворот отдельных любопытствующих приезжих. Среди них оказался и я. С тех пор я задаю себе вопрос: а не было ли мое неожиданное свидание с *Персоной из Параллельного Мира* велением Судьбы? Случайно ли разноречивый поток восторженных восточных неофитов увлек меня за собой на Байшу? Не те ли высшие смыслы, которые самовольно вторгаются в нашу жизнь, потащили потом меня *вверх*, на Байру Алту? Ведь вместо этого я мог бы спокойно спуститься *вниз* и предаться блаженному отдыху в одном из милых ресторанчиков на Аугусте!

А может быть, меня привлек чудесный запах бразильского кофе, исходивший сверху от знаменитого кафе «А Бразилейра»? Как бы то ни было, но ни кофе, ни неповторимый, в стиле ар-нуво, интерьер кофейни, которая открыла свои двери еще в 1905 г., ни разлитый внутри дух творческого созерцания не привлекли мое внимание так, как это сделал вальяжно усевшийся у входа бронзовый ПОЭТ. Добросовестно затертый до желтизны на локтях и коленях любителями поэзии и просто энтузиастами, он выглядел там как завсегдатай.

До той поры я почти не был знаком с творчеством Фернанду Пессоа (Fernando Pessoa, 1888–1935), хотя и знал, что некоторые знатоки сравнивают его с самим Камюэнсом (Luís de Camões, ок. 1524–1580). Руководствуясь каким-то шестым чувством, я решил ликвидировать этот пробел и незамедлительно направился в ближайший книжный магазин, где приобрел томик его стихов и вдобавок к нему фундаментальное, 700-страничное биографическое исследование, посвященное жизни и творчеству португальского поэта [Simões, 1971].

На все — Судьба! Тогда я сильно удивился своей реакции. Мало ли кто пишет стихи? Если всем ставить памятники... Но, сгибаясь под тяжестью книг, я почему-то был уверен, что теперь для меня открывается что-то новое, заряженное на долгоиграющий эффект.

«Многоликий Шива»

В самом начале меня поразило то, что Фернанду Пессоа родился 13 июня: всего-то на два дня раньше меня. Я не мистик и астрологию, в отличие от моего героя, воспринимаю не как науку, а как забавное времяпрепровождение.

Бронзовая скульптура Пессоа у входа в кафе «А Бразилейра»

ние. Но это не мешало мне иногда подкожно, а иногда и вполне достоверно ощущать себя Близнецом, т.е. «единым в двух лицах». Хорошо это или плохо, я так до сих пор и не понял, хотя «раздвоение личности» обычно не фигурирует в ряду людских достоинств.

Однако мой «неожиданный» поэт переплюнул по этой части всех: и простых любителей слова вроде меня, и отмеченных Историей литераторов — мэтров, которые время от времени прикрывались одним, от силы двумя псевдонимами. Все было гораздо ярче. В распухшей от обилия информации монографии англичанина Ричарда Зенита «Пессоа. Экспериментальная жизнь»³, сей автор насчитал 46 (!) *гетеронимов*, за которыми скрывался поэт [Zenith, 2022].

Не псевдонимов, а именно гетеронимов! То есть Ф. Пессоа был вовсе не «персоной», как это следовало бы из его фамилии⁴, а некой уникальной в своем роде «коллективной личностью». Каждый из его виртуальных порожденцев или, если хотите, «друзей» был награжден собственной биографией, иногда — собственной эпохой, и всегда (это самое невероятное!) — своей *особой философией и литературным стилем!*

Гетероним Алвару ди Кампус «был», например, инженером-судостроителем и якобы работал на лондонских верфях. Он время от времени посещал родной Лиссабон и выдавал «на-гора» провокативные стихи и прозу, иногда совпадая, а иногда нет с идиосинкразиями своего остававшегося за сценой «духовного отца». Другой гетероним — позитивист и крайний рационалист Алберту Каэйру, «родившийся» в Лиссабоне в 1889 г. и якобы умерший там же от туберкулеза в 1915 г., вряд ли был любимым чадом своего создателя. Однако это не помешало «ему» произвести на свет два замечательных поэтических сборника и около сотни разных стихотворений. В когорте этих фантастических, но в то же время каких-то *слишком уж реальных* персонажей пребывали и школьный учитель Рикарду Рейш, который писал оды в духе Горация (!) и эмигрировал в Бразилию в 1919 г., и англичанин Фредерик Уайатт, «чья эксцентричная манера одеваться вызывала замешательство толпы», и мятущийся дух английского неоплатоника Генри Мура Кембриджского (1614–1687), который состоял в переписке (!) с самим Ф. Пессоа посредством *астральной коммуникации*. Среди них была даже женщина — 19-летняя горбунья Мария-Жозе, которая засыпала романтическими, но так и не отправленными письмами своего возлюбленного — слесаря по металлу. Присутствие женщины в когорте гетеронимов дало повод Р. Зениту задуматься об *андрогинной* сущности своего героя, который, по отзывам современников, оставался *девственником* до конца своих дней... Так это было или нет, но свои нереализованные любовные

³ Потрудившись долгие годы на ниве научной литературы, я понял, что дать удачное название своему опусу — это уже полдела. — *Прим.авт.*

⁴ «Pessoa» — человек, личность, персона (порт.) — *Прим.авт.*

переживания и фантазии (довольно, впрочем, разнообразные) Ф. Пессоа излагал бумаге через подставных лиц. При этом некоторые довольно забавные гетеронимы поэта вполне могли бы влиться сегодня в ряды ЛГБТ-сообществ. Сам же «Многоликий Шива» предпочитал вести эрзац-жизнь скромного конторщика.

Но была и другая проблема. Наш линейный подход к социальным практикам не позволяет понять, *зачем* человек, который, как и многие, искал известности, денег и славы⁵, расходовал свой талант на разношерстных литературных хулиганов, каждый из которых должен был добиваться успеха в одиночку? Ведь никто, кроме его ближайших родственников и друзей, не знал, да и не особо хотел интересоваться происхождением новых поэтических протуберанцев, которые один за другим стали вдруг вспыхивать на доселе спокойных литературных горизонтах Португалии. Если это была просто страсть к оригинальничанию, свойственная поэтам вообще, то *этому* поэту, как считал его первый биограф Гаспар Симоиш, она обошлось слишком дорого [Simões, 1971]. Пессоа, довольно легкомысленно полагал тот, не преуспел в создании великого поэтического чуда наподобие «Лузиад» Камоэнша, «потому что у него на пути, перекрывая дорогу к прижизненной славе, выстроились гетеронимы». Как бы то ни было, но известность пришла к Пессоа только после его преждевременного ухода из жизни в 1935 году.

Ответ отчасти нужно искать во все той же раздвоенности и в крайней непрактичности нашего героя. Ведь помыслить и захотеть — далеко не всегда значит *сделать*. В этом, кстати, как раз и упрекают представителей пассивных латинских рас повернутые на праксис нордические архетипы. Не случайно первый бизнес-проект поэта — издательство «Ибис» — оказался последним, после чего Пессоа до конца своей жизни нуждался в деньгах, погрязал в долгах и перебивался случайными заработками. Как латинский «многочеловек», да к тому же еще и поэт, он ярко олицетворял собой диссонанс между словом и делом. Но он же на высоком — буквально *высочайшем!* — уровне сумеет этот диссонанс преодолеть.

Есть жизни, прожитые за счет других. С Фернанду Пессоа все было наоборот: он отдал свою жизнь на прожитие «другим». Зачем ему это было надо? Р. Зенит, например, считал, что компания гетеронимов была для поэта-анахорета «симулякром отсутствовавших у него близких отноше-

⁵ Поначалу в своем стремлении к славе Пессоа намеревался стать английским поэтом, здраво рассудив, что на этом языке бывает легче выбиться в люди. Детство и юность поэта прошли в южноафриканском Дурбане, в результате чего он стал неискоренимо двуязычен. Его первые и многие последующие опусы были писаны на английском (Пушкин, как известно, начинал писать на французском. Тут нечему удивляться: таков уж удел любого общества, которое обрекает себя на подражательство). Но постоянно отсылаемые им в Британию стихи так и не встретили там должной оценки. Р. Зенит считает, что английский язык поэта был немного «rusty» («шероховатый»?) Но это вряд ли. Скорее всего, британский литературный бомонд просто не захотел допустить в свои ряды «какого-то португальца». Наверняка чопорным англосаксам пришлось потом горько пожалеть об этом, иначе в лице Ф. Пессоа мы имели бы сейчас «великого английского поэта». Что до самого Пессоа, который всегда выступал с самых ярких патриотических позиций (см. эпиграф), то вот вам еще один яркий пример раздвоения личности. — *Прим. авт.*

ний с окружающими, а писательский труд — единственным средством любить и быть любимым» [Zenith, 2022: 726–727]. Симулякр? — Возможно... Но факт остается фактом: выше всех семейных, карьерных, политических и пр. соображений, выше морали и нравственности, философских течений и чувственных наслаждений *этот* поэт привык ставить Слово.

Творец и пленник Слова

«Вначале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог». Упав на открытую для целостного, холистического понимания мира детскую душу маленького Фернанду, эти понятия дали потом фантастические всходы. Культ Слова, возведенный в превосходную степень, довел поэта до такой кондиции, что Литература (с «Большой буквы»!), а за ней с небольшим лагом музыка стали почитаться им *главнейшими* из наук и искусств, в которых все другие должны были искать отражение. Что-то подобное проповедовал герой Германа Гессе (Hermann Hesse, 1877–1962), «Мастер Игры» Иозеф Кнехт⁶. Современник Ф. Пессоа, Г. Гессе правильно угадал направление ветра: великие идеи носятся в воздухе, но даются они лишь избранным. Слово и Бог у Пессоа постоянно менялись местами. Поиск Слова был поиском Бога, а на мгновение обретенный и быстро утекающий Бог тут же вынуждал его изыскивать новое Слово. Оно, и только оно было для поэта путем к познанию Истины. Но догонять Бога — задача не из легких. «О, Его не догоните!», — писала Марина Цветаева⁷. В одиночку этого не сделать, отсюда и когорта его поэтических *alter ego*, а проще говоря — *друзей и пособников*.

В отличие от своих друзей — футуристов, имажинистов и пр., Пессоа не коверкал слова и не занимался поэтической эквилибристикой. «Партизан без отряда» (еще одна характеристика поэта), он, наверное, был одним из тех немногих, кто старался как можно более точно *предугадывать* реакцию людей на свои стихи. Вот что пишет об этом Р. Зенит: «Пессоа считал, что вещи не значимы сами по себе, как таковые. Значение для него имела та *космическая*, по его мнению, *ткань*, которая заполняет пространство между вещами (словами), то, как мы обращаемся с ними и как реагируем на них» [Zenith, 2020: 810]. Но разные люди на слова и вещи реагируют *по-разному*, и в этом еще одна причина перенаселенности его поэтической «квартиры».

Христианин, язычник, гностик, алхимик и астролог, но все время — «*мистический рационалист*», в своих верованиях Пессоа был предельно вариативен, утверждая в ходе редких признаний друзьям и коллегам, что

⁶ Герман Гессе, «Игра в Бисер» (Das Glasperlenspiel, 1942) — Прим. ред.

⁷ О, его не догоните!
В домовитом поддоннике
Бог — ручною бегонией
На окне не цветет! <...>

Ибо бег он и движется
Ибо звездная книжица
Вся: от Аз и до Ижицы, —
След плаща его лишь!

и первое, и второе, и третье про него — это далеко не вся правда. Что в любой момент может проявиться его новая ипостась, которая с жаром станет отрицать собою все прежние. То есть отвечать на вечный вопрос «Кто я?» он намеренно отказывался, отдавая его на откуп своим «гетеронимам» [Zenith, 2022: 432]⁸. Ничего удивительного: ведь мы уже знаем, что и с любовными историями нашего героя дела обстояли подобным же образом.

Но за всем этим прочно угадывалась основанная на интуиции (а на чем же еще?) оригинальная система *собственных взглядов*. «Пессоа всеми силами хотел прожить жизнь, отличающуюся от других», — писал Р. Зенит. «Я ПУТЕШЕСТВУЮ — писал поэт в письме к одному из своих друзей, — постоянно меняясь, расширяю (и при этом эволюционирую!) список своих новых «я» и тех форм, с помощью которых

Ф. Пессоа. Фото начала XX в.

познаю этот мир, вернее сказать, *притворяюсь*, что познаю его» [Zenith, 2022: 874]. Для ясности: после возвращения из Южной Африки, где прошло его безоблачное детство, Пессоа так ни разу никуда и не выехал из родной Португалии. Для «путешествий» поэту хватало одного воображения.

Дневные часы он проводил в лиссабонских кафе («А Бразилейра» фигурировало в списке любимых) с парой-тройкой избранных друзей-литераторов, где неспешно смаковал свое бренди. Поэт чем дальше, тем больше отдавал предпочтение спиртным напиткам. Друзья старались не замечать дурной привычки, получая взамен редкие, но меткие замечания дистиллированного ума, который прибил к ним, казалось, с какой-то другой планеты. «Никто и никогда не мог сказать с точностью, на чем останавливался этот ум, пребывавший в постоянном движении» [Zenith, 2022: 877, 878]. Отсюда и вечное диссидентство в отношении фотографически застывшего сущего. Поэт явно опережал свое время.

Все связанное с ним было неожиданным, идущим вразрез и наперекор. Чернокнижник, парадоксалист, мистификатор, «самотрансформер» и пр., поэт превращал обычное лиссабонское кафе — «оазис досужей болтовни» — в капище оракула. «Насколько красивее была бы Мона Лиза, если бы мы ее *не* видели!» Или: «Сократ любил повторять: “Я знаю, что я ничего не знаю”. А я не знаю даже этого!» Далее в том же роде.

⁸ «Я — всего лишь часть какого-то неизвестного целого, выставленная для обозрения в этнографический музей», — говорил о себе поэт. — *Прим. авт.*

За поэтом закрепились прозвища: «Сфинкс», «Человек другой эпохи» и «Инопланетянин». Но он на них не реагировал. Сам Пессоа иногда называл себя «интеллектуальным оккультистом». К началу 30-х гг. прошлого века оккультизм успел уже выйти из моды, но на моду поэту, как, впрочем, и на все другое, было наплевать. В мире *слишком реальных* вещей и ставших *слишком реальными* правительств (в 1932 г. на политическом горизонте Португалии появился Салазар /António de Salazar, 1889–1970/ [Zenith, 2022: 822]⁹) Пессоа позволял себе интеллектуально расслабиться. Причем не «просто так», но *ao grande*, т.е. «по большому счету». В чередѐ своих неудач и ошибок поэт полагал, что мир, в котором мы живем, — это всего лишь бледное отражение другого, более совершенного, и нашим бедам и горестям «здесь» корреспондируют радости и победы «там», ибо исконное свойство природы — пребывать в равновесии. Но и та, другая, высшая форма существования, из которой мы попадаем в здешний мир, считал он, тоже иллюзия. Миры накладываются на миры, сверхреальность на сверхреальность, и даже это еще не конец. Тогда где же он и как постичь внешний мир? — спросил себя поэт еще в детстве. «Только премудрый Змий, извиваясь в пространстве параллельных бесконечностей, может постичь начала Великой Истины» [Zenith, 2022: 816], — ответил он на вопрос, окончательно повзрослев. Нет, рационалистическим его учение явно не назовешь! Но «матрешечные» миры Фернанду Пессоа заставляют задуматься. Если все так, то это значит, что смерти нет и что мы не одиноки во Вселенной.

Порой друзья-литераторы временно «теряли» своего компаньона, но списывать все на алкоголь не решались. Им было известно, что Пессоа, невзирая на количество выпитого, практически не пьянел. При этом он мог завернуть за угол и раствориться в воздухе. Без остатка. Попрощавшись с поэтом, друзья привыкли оглаживаться, как бы проверяя, а не исчезнет ли он внезапно вновь? Один из них, некий Жоржи ди Сена, повстречав однажды своего друга в доме его тети, сильно удивился, что тот его не сразу узнал и выглядел «каким-то иностранцем, вне времени и пространства». «Настоящий» Пессоа, предположил его слегка обескураженный знакомый, «был в это время где-то **далеко**»¹⁰. Говорили также, что когда поэт бывал особо задумчив, то, шествуя по тротуару в своей черной фетровой шляпе и неизменном черном костюме, он, случалось, легонько отрывался от земли... Неизвестно, правда, в какой кондиции пребывали сами свидетели этих необычайных феноменов.

⁹ Пессоа признавал заслуги Салазара, которые сделали его позднее национальным лидером. Но уже в те годы он считал, что главное для диктатора — это не страна и населяющие ее люди, а абстрактные «статистические данные», называя Салазара «эмоциональным мертвецом, который был искусственно оживлен проправительственной пропагандой». — *Прим. авт.*

¹⁰ Vale F. Sentir tudo, de todas as maneiras. Antologia Poética. Fernando Pessoa, Alvaro de Campos, Alberto Caieiro, Ricardo Reis. Lisboa, Relógio d'Água Editores. 2022. P. 15.

«Народная» монархия

Поэзия Ф. Пессоа — это почти всегда серьезный философский и политический дискурс. Историк и политологу она должна быть особенно интересна. «Странные», «непоследовательные» и «противоречивые» (удивительно, если это было бы не так!), его взгляды в первую очередь *непривычны* для тех, кто мерил своим отношением к политике считают «последовательность», «научность», «практичность» и «принципиальность». Таковых большинство, но теперь-то мы знаем, что если прикидывать «вдолгую», то эти качества успешно повисают в воздухе. «Только очень ограниченные люди имеют твердые убеждения», — считал Ф. Пессоа [Zenith, 2022: 451]. Мы можем соглашаться с этим или нет, но нельзя не признать того очевидного факта, что мир не статичен: он *движется*. Движением своей мысли Фернанду Пессоа старался поспевать за ним. И взирать на мир «в *его* минуты роковые» поэт предпочитал с высоты своей собственной, *интуитивно осмысленной* «колокольни». Поэтому, как ни странно, но именно сейчас его «символ веры» становится для нас актуален. Можно сказать — «до дрожи».

К концу своей жизни, который Пессоа, как и всякий сверходаренный человек, неизбежно предчувствовал, поэт успел разочароваться во всем: в людях, в порядке вещей, в друзьях, в своей писательской карьере. Что неудивительно, учитывая его склонность к одинокому существованию в компании порожденных им мультипликаций. Перспективы мира воспринимались поэтом крайне пессимистически. И это тоже неудивительно: через год в Испании вспыхнет гражданская война, а что было дальше — мы с вами хорошо знаем. Умершему в 47 лет поэту еще «повезло», что он всего этого не увидел.

Свое политическое *кредо* Пессоа определял так: «Я — мистический националист и рациональный *себастьянист*¹¹. Но, кроме этого и, частично, *благодаря* этому, я — это еще и многое другое». И тут же, следом: «В политике, в религии, как и в других формах высшей практической деятельности, интеллект обязан подчиняться политическим, религиозным и другим конъюнктурным критериям. В литературе же и в науке разум предоставлен самому себе и не обязан следовать никаким указаниям “свыше”»¹².

Вот Пессоа и не следовал. Он исходил из того простого предположения, что нет одинаковых людей, как нет и одинаковых наций. Во всяком случае, когда сейчас нам говорят о цивилизационных, культурных и пр. различиях между народами, остается принять за данное, что когнитивные диссонансы

¹¹ Себастьян I «Желанный» (Sebastião «o Desejado») — король Португалии (1554–1578). Его главной целью было завоевание для Португалии колоний в Северной Африке. В 1574 г. он предпринял экспедицию в Марокко, возглавляя войско, в которое входили португальцы, испанцы, итальянцы и немцы. При Эль-Ксар-эль-Кебире войско Себастьяна было разбито (1578 г.), сам король погиб, но тело его не было найдено. Гибель юного неженатого короля привела к пресечению Ависской династии и к последующему объединению Португалии и Испании под скипетром короля Испании Филиппа II. Исчезновение короля создало вокруг имени Себастьяна легенду: долгое время португальцы ждали, что он-таки вернется и спасет страну от врагов. Легенда гласила, что с «возвращением» короля Себастьяна наступит «Золотой век» Португалии. — *Прим. авт.*

¹² Fernando Cabral Martins Nos, Portugal. Fernando Pessoa. Mensagem. Lisboa, Assírio & Alvim, 2012. Pp. 107, 109.

между ними *естественны*. Когда устами своего гетеронима Алвару ди Кампуса поэт сказал, что Соединенные Штаты — это «нация без души» и «амальгама отбросов Европы, свихнувшихся на утилитарном интересе» [Zenith, 2022: 548, 554]¹³, то ему можно верить. А поверив, придется согласиться с поэтом и в том, что всякое равенство (помимо чисто юридического) — *противоестественно*. Особенно равенство между людьми. «*All men are created equal*» («Все люди созданы равными» — Т. Джефферсон). — Как же так? Ведь наука давно доказала обратное...

Но самое интересное еще впереди. Элитарный поборник индивидуальной свободы, в юности горячо приветствовавший свержение монархии в Португалии, в зрелые годы Пессоа пришел к тому, что стал *монархистом*. Певец спонтанного начала, он презирал все «измы», за исключением литературных. Но и к этим относился с изрядной долей иронии. Что же касается коммунизма и либерализма, — учений, которые подавляют, одно открыто, а другое — скрыто, человеческую индивидуальность и то, что поэт называл «волей богов», то здесь для него вообще не было вопросов. Воцарившуюся у него в стране буржуазную демократию Пессоа называл «олигархией Брутов» и предсказывал, что она неизбежно скатится к диктатуре (так оно потом и случилось!).

Мощным катализатором политического созревания «творца и пленника собственных мифов» стала Первая мировая война. Плоды этого созревания сегодня мы могли бы отнести к проявлениям того самого «здорового консерватизма», который с некоторых пор стал присутствовать в российском политическом дискурсе, но пока так и не обрел законченных форм.

Поэт, который отличался тем, что бросал многие свои произведения, едва успев их начать (*post mortem* был обнаружен большой деревянный сундук, доверху набитый его незавершенными сочинениями), сумел-таки облечь свои политические взгляды в некую автономную систему. Стимулом для несвойственного ему системотворчества стала поддержка парламентами воюющих стран шовинистических устремлений своих правительств и вступление в войну Португалии, демократические правители которой поддались грубому нажиму со стороны Англии. Параллели с сегодняшней Европой слишком очевидны, чтобы останавливаться на них подробно.

¹³ Поэты способны видеть не только дальше и глубже, но и часто гораздо раньше других. «...С некоторого времени Северо-Американские Штаты обращают на себя в Европе внимание людей наиболее мыслящих... Уважение к сему новому народу и к его уложению... сильно поколебалось. С изумлением увидели демократию в ее отвратительном цинизме, в ее жестоких предрассудках, в ее нетерпимом тиранстве. Все благородное, бескорыстное, возвышенное, все возвышающее душу человеческую — подавленное неумолимым эгоизмом и страстью к комфорту» (А.С. Пушкин. Полн. собр. соч. в 6 томах. Том 5. Критика, истории, публицистика. М., ОГИЗ. 1947. С. 206). — *Прим. авт.*

Но Пессоа не был пацифистом! Вопреки идее идеалистов и самовлюбленных гуру, которые вещают о том, что война «противна природе человека»¹⁴, поэт полагал, что государства — как люди (см. выше), поэтому и войны, к сожалению, *неискоренимы*. Он выступал против той, по его мнению, «грязной и захватнической» войны, в которой Португалия понесла много жертв, а в результате осталась ни с чем.

В своем неотправленном письме к британскому премьеру Ллойд-Джорджу, которое было обнаружено «пессоистами» в знаменитом сундуке, он еще до О. Шпенглера изложил идею о моральной деградации Европы. Поэт считал, что Первая мировая — это не просто война одних государств против других, а *гражданская война внутри одной цивилизации*, «революция декадентов», которая охватила Европу [Zenith, 2022: 554]. Сегодня мнение о прогрессирующей деменции «старушки Европы» разделяют многие. А для шествующих по дороге С. Хантингтона «цивилизационщиков» существование единой «цивилизации Запада» стало чуть ли не *idée fixe* [Уткин, 2000: 10; Ferguson, 2011: 28]. Выходит, поэт и здесь опередил свое время. Ну а что он «приготовил» для своей родной Португалии? Как раз здесь Читателя, который не поленился отдать должное некоторым идеям «экспериментатора жизни», может постичь глубокое разочарование.

«Пятая Империя»¹⁵? «второе пришествие короля Себастьяна»? (см. выше). Как-то не вяжется это даже с «мистическим реализмом» поэта: слишком много мистики, слишком мало реализма. Неужели же его родина настолько погрязла в проблемах, что ей оставалось уповать лишь на чудо?

«Будем реалистами — потребуем невозможного!» — этот лозунг французских гошистов высмеивался нами до тех пор, пока это «невозможное» само не взломало нам двери. Причем не без нашего прямого участия. «Небываемое — бывает!»: девиз петровских времен приобретает сегодня новое звучание. Когда прежние «трезвые математические расчеты» стали стоять не дороже листков прошлогоднего календаря, самое время будет обратиться к классику отечественной философии А.Ф. Лосеву. Его слова о том, что «миф не есть выдумка или фикция и не есть фантастический вымысел» [Лосев, 1990: 395], заслуживают внимания, а вывод мэтра о том, что *миф — это реальность*, звучит крайне актуально, если не сказать больше — провидчески.

¹⁴ Если война — «это противное человеческому разуму и всей человеческой природе событие» (Л.Н. Толстой, «Война и мир»), то закономерно встает вопрос: почему же люди все время воюют? — *Прим. авт.*

¹⁵ Идея «Пятой Империи», которая возникла в голове Ф. Пессоа, была обязана своим происхождением падре Антониу Виейра (António Vieira, 1608–1697), внесшему особый вклад в историю Португалии и Бразилии. В своем трактате «История будущего» падре Виейра предрек образование в будущем новой великой всемирной империи под эгидой португальского короля, но управляемой самим Богом. Эта империя должна была оказаться пятой после Вавилона, Персии, Древней Греции и Рима и длиться вечно. Ее сторонники связывали наступление «Пятой Империи» с возвращением на трон короля Себастьяна. Пессоа восхищался этим мифом как «великолепным художественным вымыслом» и, следуя себе, полагал, что он «намного лучше любой реальности». — *Прим. авт.*

Вслед за А.Ф. Лосевым, М.М. Бахтиным, Ж. Сорелем и др., но, понимает-ся, независимо от них Пессоа верил, что, распространяясь среди людей, миф приобретает свойства реальности. Это неудивительно, ведь все материальное — преходяще, люди уходят, а легенды о граде Китеже, святом Граале и пр. живут и здравствуют по сей день. По аналогии с З. Фрейдом Ф. Пессоа, наверное, мог бы «застолбить» за собой термин «национальное бессознательное», но — увы! — его непрактичность так и осталась при нем.

Однако не миф о Себастьяне как таковой занимал мысли Ф. Пессоа в начале 30-х гг. прошлого века, а горячее желание преодолеть тот «онтологический кошмар», который воцарился в его стране после неудач Пер-

Лиссабон

вой мировой и череды военных переворотов. Стремясь вернуть португальцам чувство национальной гордости, он, наконец, «морально собравшись», выпустил свой первый, *вышедший под собственным именем*, поэтический сборник «Послание» («*Mensagem*», 1932). В нем всё о былой славе Португалии: о Магеллане (Fernão de Magalhães,

1480–1521) и о Васко да Гаме (Vasco da Gama, 1469–1524), о Генрихе Мореплавателе (Infante Dom Henrique, 1394–1460) и, конечно же, — о короле Себастьяне. Эта скромных объемов книга — одновременно и радиография португальской истории, и миф о ней. «Миф есть ничто и одновременно — всё», — утверждал Пессоа в начале стихотворения об Одиссее — Улиссе. Поэт верил (или *хотел* верить) в миф о том, что именно он был подлинным основателем Лиссабона — древнего *Улиссипо*.

Частично затронутая в сборнике «Послание» идея «Пятой Империи» более подробно излагалась поэтом в его публицистических трудах. Она предполагала создание «народной», «ненаследственной», «научной» монархии, которая собрала бы под свои знамена Португалию, все ее африканские и азиатские колонии и, разумеется, Бразилию, в рамках одной общей, *национал-обновленческой* идеи. В реанимации мифа о короле Себастьяне и «Пятой Империи» Пессоа видел не только «мощное средство для поднятия морального духа португалоговорящих народов до уровня, который существовал в эпоху Великих географических открытий» [Zenith, 2022: 676]. Обновленная «мягкая сила» Португалии, по его задумке, должна была бы проецироваться и дальше, на весь остальной мир.

Сегодня, в отличие от совсем еще недавних времен, мы, наверное, не станем слишком уж рьяно опровергать имперскую идею. Она воскресла буквально у нас на глазах, причем не только в теории [Караганов, 2021; Хаас, Капчан, 2021], но и на практике. Имперские мифы оживают, когда мы слышим о том, что Соединенные Штаты всеми силами пытаются «сохранить» свою империю, Великобритания, Турция и Китай свои империи стремятся «воссоздать» и что имперские амбиции имеются и у Франции, и у Польши, и у Европейского союза в целом. Что же касается России, то уж ее-то в этих «амбициях» не упрекает сейчас только ленивый. При этом, однако, не стоит забывать о том, что «миры империй», установленные после Вестфальского (1648 г.) и Венского (1815 г.) мира, смогли уберечь планету от «войны всех против всех» на гораздо более длительные сроки, чем «демократические» Версальский (1919 г.) и Ялтинско-Потсдамский (1945 г.). Конечно, если брать за идеал «Вечный мир» И. Канта, то даже это станет для кого-нибудь слабым утешением. Но случалось ли в истории когда-нибудь так, чтобы наши желания совпадали с действительностью?

«Мистический реализм» Ф. Пессоа, очевидно, помогал ему смотреть на вещи более широко и непредвзято. Если агрессия заложена в самой *природе* человека и не зависит напрямую от форм правления, экономических и пр. категорий, то корни проблемы следует искать не в «империях» как таковых, а в тех юридических, идеологических, исторических, культурных и религиозных основах, на которых они строятся.

В основе его «себастьянизма» лежала труднореализуемая на практике идея *меритократии*. И коммунизм, и либеральная демократия («Светлый Храм на вершине холма»), и даже, осмелимся предположить, нацизм (как «рай для “арийцев”») — все известные до сих пор светские и государствоцентричные идеологии питались от этой идеи, понимаемой, впрочем, по-разному. «Себастьянизм» здесь не исключение. Все *меритократии* так или иначе тяготели к проектам создания «Рая на Земле», а итог у них, к сожалению, был один: «хотели, как лучше, а получилось...». Само по себе «правление достойнейших», естественно, не может вызывать отторжения. Вопрос в другом: из *какой* социальной страты, класса, нации, имущественной категории и пр. и *каким* путем отбирать «достойнейших»? Ведь при любых раскладах ясно, что этот вопрос всегда будет решаться *людьми*.

Поэт намеренно отвергал *любое* организационное решение как открывающее простор для произвола. Его «аристократия духа» должна была формироваться *спонтанно* на основе добровольного сотрудничества всех классов и социальных слоев, но состоять в основном из выдающихся ученых, философов, литераторов и поэтов. В общем, все понятно, а на самом деле ничего не понятно. Как это: «спонтанно»? К сожалению, Пессоа не смог ответить на этот вопрос. Ясно, что ни Второе пришествие короля Себастьяна, ни всплытие града Китежа, ни обретение святого Грааля, никакие другие национальные мифы и предания, сколь бы «реальны» они ни были, здесь вряд

ли могут помочь. Это притом что национальная мотивация, несомненно, необходима для развития реформ. Можно было бы поумствовать, конечно, о возможностях искусственного интеллекта, но их последствия для нас самих еще не очень ясны, так что рассчитывать на непредвзятость айтишного отбора в новые управленческие элиты пока, наверное, не стоит.

Но, вернемся к Пессоа. «Народ»? — «Народы»? — «Нации»? Не сам ли он устами своего порожденца — позитивиста и циника Алберту Казейру явил миру следующее:

*Они говорят о «народе», о «нациях» и о «свободе»,
Но сам я, признаться, не видел
каких-нибудь штук в этом роде.
Я вижу людей. И только.
Плохих и хороших. Разных.
А между ними — пустоты:
Они недоступны глазу¹⁶.*

Списать все на многоликость лиссабонского «Шивы» было бы крайне удобно. Но дело не в том. Понятия «народ», «нация», «свобода» и пр. бытуют у нас с конца XVIII в., что, пожалуй, ярче всего говорит о живучести и непотопляемости мифов. А когда рациональное и иррациональное идут нога в ногу, причем последнее так и норовит опередить первое, то «себастьянизм» анахорета и индивидуалиста Пессоа, превратившегося в поборника хоть и монархического, но коллективизма, становится понятен. Да и следовало ли ожидать чего-то иного от «Человека из Параллельных Миров»?

Стоит признать, однако, что акцент, сделанный поэтом в начале 1930-х гг. на существование исторической, языковой и культурной общности португалоязычных народов, спустя годы все-таки дал о себе знать в виде «Сообщества стран португальского языка» (CPLP, 1996 г.). Правда, заправляет там сегодня, скорее, Бразилия, чем Португалия, но что делать, если заветы Пессоа так и не были соблюдены до конца? Ведь он считал, что в вождеденный им «себастьянистский» союз — в его «Пятую Империю» — на добровольной основе будут входить независимые от внешних игроков страны и народы. Интересно, а как бы он отнесся к членству своей страны в НАТО?

Ф. Пессоа в начале 1930-х гг.

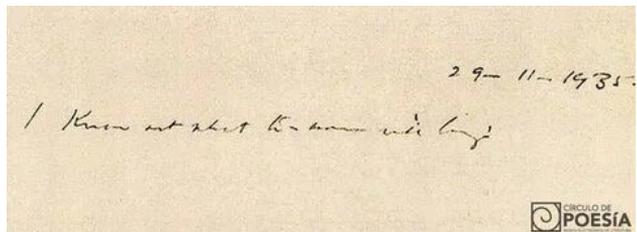
¹⁶ Перевод А.В. Племянникова. — Прим. авт.

Ближе к концу жизни поэт почувствовал, насколько он опередил свое время, и понял, что прижизненной славы ему не дожидаться. А замкнутая жизнь, не разбавленная, кроме табака и алкоголя, никакими другими радостями, судя по всему, перестала приносить удовольствие. «Гетеронимы» наскучили: в последние годы он всё больше стал издаваться под собственным именем. На новых поэтических экспериментах был поставлен жирный крест. Пессоа неожиданно решил «опроститься» и, к несказанному удивлению окружающих, стал писать примитивные *вириши*. Но попытка «обняться с банальностью» [Zenith, 2022: 932] того, кто привык вкушать от экзотических блюд, результата не принесла. Разочарование в сущем — очень опасный синдром.

К тому же ни внутри Португалии (он быстро перестал видеть в Салазаре нового *ad potentio* Себастьяна), ни тем более вне ее (Муссолини и Гитлер вызывали в нем отвращение) происходившие события не внушали оптимизма. Поэт «видел впереди лишь несчастья и беды» [Zenith, 2022: 918]. На этом безрадостном фоне он взял да и умер.

* * *

Последней написанной им по-английски уже в госпитале фразой стала «*I know not what tomorrow will bring*» («Не знаю, что ждет меня завтра»). Медицинские причины того, что произошло 30 ноября 1935 г., до сих пор не совсем ясны. В его свидетельстве о смерти значилась «печеночная колика», хотя этот диагноз, по мнению специалистов, выглядит слишком уж общим. Гаспар Симоиш говорил о «циррозе печени» как самом, наверное, вероятном сценарии, учитывая образ жизни поэта. С ним не соглашается Р. Зенит, считая, что такому диагнозу «не соответствовали симптомы» [Zenith, 2022: 926]. Однако ни тот ни другой не были профессиональными медиками, поэтому вокруг смерти Фернанду Пессоа сразу же возникла новая интрига. Также не будучи медиком, я готов предложить свой диагноз: *tedium vitae* — «усталость от жизни», который одинаково приемлем для многих, даже самых эксцентричных случаев ухода из жизни великих поэтов.

Последняя фраза, написанная Ф. Пессоа на английском языке: «*I know not what tomorrow will bring*» («Я не знаю, что принесёт завтрашний день»)

P.S. Для посмертного признания чьего-либо величия необходимо соблюдение неких формальных правил. В 1985 г. прах Пессоа перенесли с лиссабонского кладбища «Душ Празериш» («Удовольствия» — яркий образчик

черного юмора) в великолепный монастырь Жерóнимуш¹⁷ в Белене. В этом чуде архитектуры XVI в. рядом с саркофагом «Великого Национального Поэта» покоятся останки Васко да Гамы, Камоэнса и останки того самого короля Себастьяна I, достоверность которых до сих пор вызывает сомнение у «подлинных себастьянистов». В любом случае поэту повезло, если он оказался в компании своих героев.

Монастырь Жеронимуш — место упокоения Ф. Пессоа

Р.Р.S. Больших поэтов переводить — только портить. Но не уступить просьбе своего старого школьного друга я не мог. Автор приведенных ниже переводов — Александр Васильевич Племянников, в 1975 г. окончил Высшее военно-морское училище в Ленинграде и долгие годы служил на Тихоокеанском флоте. Еще курсантом, чтобы понравиться любимой девушке, он выучил на спор португальский язык и с тех пор подпал под его очарование. Перу А.В. Племянникова принадлежат переводы нескольких португальских и бразильских поэтов, но стихотворения Ф. Пессоа занимают в его творчестве особое место. В настоящее время капитан первого ранга в отставке А.В. Племянников работает смотрителем маяка на о-ве Лавенсаари (Балтийское море).

Фернанду Пессоа

Автопсихография

*Поэт-комедиант.
Не зная, куда заводит эта роль,
Он может боль свою,
играя,
Притворно выдавать за боль.*

¹⁷ 13 декабря 2007 г. в этом монастыре в ходе саммита лидеров стран — членов Европейского союза был подписан Лиссабонский договор. — *Прим. авт.*

Притворство ведь не задевает
        приватных чувств.
И, без обид,
        его печатают, читают,
А «там» — *доподлинно* болит!

Вот так в сплетении сосудов,
Умам потворствовать желая,
Мясная шевелится груда.
Зовется «сердцем»?
    — Я не знаю.

Ноябрь, 1932

Из сборника «Послание»

1. Сфинкс

Растопырив свои «котовелос»,
    («котовело» красивое слово, значит — «локоть»)
Вальяжно и гордо
Отдыхает на карте Европа —
Золотистые галльские косы
С византийской в глазах поволокой.

Локоть левый, то бишь «котовело»,
Чуть изогнут, а правый — не очень.
Тут Италия телу опора,
Там — Британия
    (лишняя впрочем!)

А лицо — Португалия.
    Прочно
Подбородком в буруны ушедши,
Смотрит вдаль, в горизонты истории.
— Сфинкс.
Продукт бесконечной теории,
Сказка будущего о прошедшем.

2. Сфинкс

Мне снилась наша бедная Империя,
Такою, как Господь ее создал:
Загадочной, как целая Вселенная,
Плебейской, как учение Христа.
Я не был ни святым и ни героем,
Но Бог не поскупился на регалию:
Не сердцем португальца удостоил,
Но *вместо* сердца вставил Португалию!

3. Дон Себастьян, король Португалии

Сумасшедший?! — Ну конечно!
Потому что без «грандезы»
(это значит, что без «славы»),
Он не мог.
Да и не дали!

***

Я не соображаю, что к чему?
Вижу бег времен, руины храмов.
Я все время в прошлом. — Почему?
Тоже не хватает дифирамбов?

А мое безумие? — Оно...
(хоть бы его заняли другие!)
Кажется, безумие одно
Делает нас лучше и счастливей.

«Человек безумный» — Мне дано!
В «гомо сапиенс» — ни смысла, ни причины!

4. Брать и давать

Боги получают, отдавая.
Слава покупается позором
(что это за «счастье», я не знаю:
видно, бренный мир наш так устроен!)

Хватит лишь тому, кому *хватает*.
 Тот доволен, кто живет сознанием:
 Жизнь — короткая, душа — большая,
 А «иметь» — смириться с опозданием.

С тем и приготовил Бог-отец
 Тяжкую судьбу земному Сыну,
 Чтобы прошлой жизни дать венец,
 Предварительно его отринув.

Список литературы / References

Караганов С.А. (2021) В этом мире Россия должна быть крепостью, *Россия в глобальной политике*. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/krepost-rossiya/> (accessed: 01.08.2023).

Karaganov S.A (2021) V etom mire Rossiya dolzhna byt' krepost'yu [In this world, Russia should be a fortress], *Russia in global politics*. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/krepost-rossiya/> (accessed: 01.08.2023). (In Russian)

Лосев А.Ф. (1990) *Из ранних произведений. «Диалектика мифа»*. Москва, Правда, 655 с.

Losev A.F. (1990) *Iz rannikh proizvedenii. «Dialektika mifa»* [From early works. The Dialectics of Myth], Moscow, Pravda, 655 p.

Ливен А. (2020) Прогрессивный национализм, *Россия в глобальной политике*, № 5, с. 25–42.

Liven A. (2020) Progressivnyi natsionalizm [Progressive nationalism], *Russia in global politics*, no. 5, pp. 25–42. (In Russian)

Уткин А.И. (2000) *Забывтая трагедия. Россия в Первой мировой войне*, Смоленск, Русич, 640 с.

Utkin A.I. (2000) *Zabytaya tragediya. Rossiya v Pervoi mirovoi voine* [Forgotten Tragedy. Russia in the First World War], Smolensk, Rusich, 640 p. (In Russian)

Хаас Р., Капчан Ч. (2021) Новый концерт держав, *Россия в глобальной политике*. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/novyj-konzert-derzhav/> (accessed: 01.08.2023).

Haas, R., Kupchan, Ch. (2021) Novyi kontsert derzhav [The new concert of powers], *Russia in global politics*. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/novyj-konzert-derzhav/> (accessed: 01.08.2023). (In Russian)

Ferguson N. (2011) *Civilization: The West and the Rest*, New York, The Penguin Press, 464 p.

Simões J.-G. (1971) *Vida e obra de Fernando Pessoa*, Lisboa, Bertrand, 700 p.

Zenith R. (2022) *Pessoa. An Experimental Life*, London, Penguin, 1055 p.